

ВАЛЕРИЙ ПРОЗОРОВ

О семантических горизонтах понятия «власть»¹

Феномен власти — из числа таких ключевых архетипических сверхуниверсалий, таких укорененных общечеловеческих бытийных констант как *род, жизнь, смерть, человек, миф, война, любовь, движение* и немногих других, без которых немислимо более или менее объемное и целостное представление человека о себе и об окружающей существенности. Настоящие заметки имеют целью очертить пределы этого понятия в нечеткой множественности его отечественных фольклорных и профессионально-литературных семантических проявлений. Разумеется, почти каждый художественно-образный «пример» может быть и должен стать достаточным поводом для самостоятельного филологического усмотрения той или иной «властной» версии, но нас здесь интересует в первую очередь очевидный и неоглядный в своей центроостремительной обширности смысловой разброс понятия «власть».

Вопреки всем известным словарным толкованиям, **власть** — в русской духовной культуре, в безбрежности отечественного семантического поля, в сложнейшей системе устойчивых обыденно-речевых и поэтических смыслов — это, прежде всего, Бог, воля Божья, милость Божья. Понятию «власть» с давних времен на Руси задана безусловная и беспредельная высота.

В сборнике В. И. Даля «Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа» читаем: «Власть Господня»; «С Богом не поспоришь»; «Под Богом ходишь — Божью волю носишь» (у Пушкина: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...»); «Один воин тысячи водит, а Бог и тысячи и воина водит»; «Бог не захочет, и пузырь не вскочит»; «Господня воля — наша доля» (ср. у Лермонтова в стихотворении «Бородино»: «Когда б на то не Божья воля, не отдали б Москвы»); «Бог всякую неправду сыщет»; «Суда Божьего околицей не объедешь»...

Власть — высшая, неземная, справедливо и неотвратимо карающая инстанция: «От Божьей власти (кары) не уйдёшь»; «Бог всякую неправду сыщет»; «Божья рука — владыка»; у Лермонтова: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата...»².

¹ Статья представляет собой специально подготовленный и относительно завершённый фрагмент введения к книге «Власть СМИ», над которой автор работает в настоящее время.

² Духовная власть, по мысли В.С. Соловьёва, — «высшая власть в мире»: «И мирская государственная власть, добровольно признавая высший, чисто нравственный авторитет власти ду-

Даже в атеистически сформированном речевом пространстве отношение к сверхвласти нередко определяется исстари известными, традиционными словосочетаниями «Бог тебе судья», «Бог тебя суди», «Бог его накажи», «все под Богом ходим», «слава Богу»...

В разговорной, фольклорной и профессионально-литературной практике в значении неисповедимо-высшей, надчеловеческой, не зависящей от воли людей власти часто употребляются также понятия «судьба», «судьбина», «рок», «жребий», «удел», «планида» и т. п.: «от судьбы не уйдёшь», «видно, так на роду написано», «так уж суждено», «ничего не поделаешь: судьба такая», «так рок судил»...

Земная власть воспринимается в русской культуре в первую очередь как строгое начальствование, безусловное (нередко — добровольное) подчинение, жёсткое принуждение³. Власть — надзор, присмотр, пригляд за подданными; власть — страх; власть — тайна (часто — злоеца): «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор»... Эту фразу трудно перевести, скажем, на английский, чтобы сохранить и передать эффект разорвавшейся бомбы: ну едет и едет себе господин инспектор, должностные полномочия свои исполняет, работа у него такая — при чём тут обязательный всеобщий страх у партнёров по сцене и ожидание чего-то ошарашивающего у зрителей?!

Власть всегда, в русском понимании, признак силы, повеления, господствования (слабая власть — не власть, а кисель без берегов; один из щедринских помпадуров, Митенька Козелков, называет такую власть «государственной слякотью»). Необычайно устойчиво и неистребимо, как известно, российское убеждение: *крепкая власть — «сильная рука» — настоящий порядок*. Понять роль власти в человеческом общежитии можно только через противоположное представление — о *безвластии*. Безвластие — почти во всех смыслах и отношениях — пагубно. Власть — превращение безвластия, дезорганизации в надёжный порядок, в безопасность для подопечных; власть — предотвращение анархии и гарантия относительного социального равновесия и стабильности.

В богатейшем синонимическом спектре понятия «властвовать» различаются такие часто употребляемые собратья этого слова, которые, обладая императивной коннотацией, указывают на разнообразие представлений о непремennom векторе давления (желанного или избыточного — это уже другой вопрос), напора, принуждения: «управлять», «командовать», «распоряжаться», «повелевать», «владеть», «хозяйничать», «владычествовать», «влиять», «воздействовать», «главенствовать», «преобладать», «доминировать» и мн. др.

ховной и опираясь на него, сама получала нравственное значение и внутреннюю силу» (Соловьев В. С. О духовной власти в России // Соловьев В. С. Соч. В 2 т. Т.1. Философская публицистика. М., 1989. С. 48, 46).

³ «Россия никогда не была сильна организованными институтами общественного мнения. Отношения власти с управляемыми напоминали улицу с односторонним движением. Горстка людей в столице принимала решения, а народ лишь внимал им, в то же время пытаясь вдали от высокой политики устроить жизнь по-своему» (Захаров А. В. Народные образы власти // Политические исследования. 1998. № 1).

В традиционном фольклорном и профессионально-литературном миропонимании (в самых разных его вариациях) жива оппозиция: *власть — народ*: власть *над* народом, власть *для* народа, власть *без* народа, народ *и* власть. Стремление политически и лингвистически преодолеть, снять это почти роковое противостояние обнаруживает себя в амбивалентных словоформах «народовластие», «демократия», «местное самоуправление» и др. Так, горестно оценивая нынешнюю политическую обстановку в России, А.И.Солженицын говорит о «бесконтрольности и непроницаемости решений и действий властей» и ставит такой неутешительный диагноз: «власти боятся услышать народное мнение, оно опасно для властей»; истинная же демократия, по мысли автора «Красного колеса», — это «когда народ реально направляет свою судьбу через органы самоуправления, /.../ а бюрократия и её решения не скрыты за непробиваемыми, непроглядными барьерами»⁴.

Власть правит миром: «без пастуха овцы не стадо». Глас народа из пушкинского «Бориса Годунова»: «О Боже мой, кто будет нами править? О горе нам!». И там же:

«Народ (*на коленях. Вой и плач*).

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один (*тихо*).

О чем там плачут?

Другой.

А как нам знать? То ведают бояре,
Не нам чета»⁵.

Как говорится, «до Бога высоко, до царя далеко». Есть и такое в народе расхожее мнение: «кто палку взял, тот и капрал»⁶. У власти — всегда свои преимущества в любой, казалось бы, самой незавидной ситуации; власть всегда о себе, любимой, успеет подумать: «лучше быть молотом, чем наковальней».

Иногда сказывают, что всякий народ заслуживает своей власти («По Сеньке и шапка»), но есть и такая, не менее точная и мудрая пословица: «каков царь, таков и народ». Бесспорная обратная связь.

Власть — это и постоянная, строгая обязанность и ответственность: «первый в совете — первый в ответе» или, по другой русской солдатской пословице, «старшему первая чарка и первая палка». Ещё добавляют: «нога споткнётся, а голове достаётся»...

Носители властных признаков имеют в русском языке массу разноуровневых (и часто — изначально, априори предполагающих стойкую экспрес-

⁴ Солженицын Александр. XXI век будет жесток и драматичен. Эксклюзивное интервью писателя Приволжской лиге журналистов // Саратовские вести. 2002, 26 октября. С. 2.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 5. Л., 1978. С. 195.

⁶ По убеждению П. Я. Чаадаева, «в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно ненарушимое, а именно — его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет /.../». Хотя, с другой стороны, «установленная власть всегда для нас священна» (Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 204).

сивную — и положительную и отрицательную — окраску⁷), исконных и заимствованных обозначений: глава, старший, лидер, руководитель, командир, владыка, вершитель, господин, начальник, вожак, патрон, босс, шеф, чиновник, повелитель, покоритель (народов; сердец; горных вершин), хозяин, властитель, деспот, тиран, диктатор, самодур и др.

Энциклопедия российской (и всякой другой) тиранической власти, морфология бюрократического жизнеуправления, богатейшим образом представлены в сатирическом мире М. Е. Салтыкова-Щедрина. Трагикомическим воплощением законно-властного произвола стали его неисчислимые собирательные образы господ ташкентцев, помпадуров, пустоплясов, ненавистников, медведей на воеводстве, орлов-меценатов, галерея градоначальников из «Истории одного города» и мн. др. «Необходимо, — читаем в “Помпадурцах и помпадуршах”, — чтобы администратор имел наружность благородную. Он должен быть не тучен и не скареден, роста быть не огромного и не слишком малого, должен сохранять пропорциональность в частях тела и лицо иметь чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тем более злокачественными сыпями. Сверх того, должен иметь мундир»⁸. Завершённый портрет высококочтимого руководителя...

Или о молодом начальнике псевдолиберального покроя: «для того, чтобы хорошо вести дела, нужно только всех удовлетворить. А для того чтобы всех удовлетворить, нужно всех очаровать, а для того чтобы всех очаровать, нужно — не то чтобы лгать, а так объясняться, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы облизывался»⁹.

Власть — одна из фундаментальных категорий, без которых практически невозможно построение завершённой, целостной картины мира, картины миропорядка, включающей в свои пределы и самого субъекта «живописания»: власть над собой, над близкими, над другими; над народом, над природой. Власть желанная («нельзя земле без царя стоять»); ненавистная, жестокая (у Пушкина: «Под гнетом власти роковой»); бездарная, без царя в голове; хитрая, вероломная, себе на уме (ср. фразеологизм «злоупотребления властью»). Власть устойчивая, стабильная и власть, обескураживающая своей непредсказуемостью. Власть легитимная и самозванная. Власть своя и оккупационная. Власть истинная, оказывающая реальное воздействие и неред-

⁷ Представление об одной из самых устойчивых коннотаций, связанных в русской традиции с носителями власти, передаёт известное признание Некрасовского помещика Гаврилы Афанасьевича Оболт-Оболдуева из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

*Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — моё желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искрошительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорфрот!..*

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. В 15. Т. 5. Л., 1982. С. 76).

⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 8. М., 1969. С. 33

⁹ Там же. С. 103.

ко встречающая ответное — явное или тайное — противодействие. И власть мнимая, невсамделишная (вспомним многочисленные народные и литературные сказки, а потом и киноленты о глупом, капризном, иногда просто-душно-наивном и добром царе, которого подданные его давно уже перестали слушаться и принимать всерьез)...

В более пространных семантических берегах власть — это и сила, и право, и воля над чем-либо и над кем-либо («Достиг я высшей власти»; «О мощный властелин судьбы!»; «Я тебя породил, я тебя и убью»; «Человек сказал Днепру: Я стеной тебя запр...»).

Различают власть стихии над людьми (в пушкинском «Медном всаднике»: «С Божией стихией царям не совладать»), власть верховного, право имеющего человека над подчиненным (у Пушкина: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом...»), власть человека над самим собой (в «Евгении Онегине»: «Учитесь властвовать собой...»). Тихон Кабанов из «Грозы» А. Н. Островского смиренно отвечает Марфе Игнатьевне: «Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг». То же слово-понятие «воля» в значении «власть» — в реплике Катерины: «кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...»¹⁰.

В расширительном смысле властными полномочиями наделяются и молниеносно распространяющиеся мнения, суждения, толки, всепоглощающая молва, общественное сознание¹¹, господствующая идеология; по природе своей повелительная, правящая бал мода и многое другое. Власть старшего над младшим, родителей над детьми, учителя над учениками, начальника над подчиненными, режиссёра над актёрами, врача над пациентами (см. многочисленные чеховские юмористические рассказы), автора над читателями, исполнителя над слушателями и зрителями...

Властный — качественный признак, указывающий на особо мощную энергию эмоционально-интеллектуальных, психофизических состояний, свойств, на проявления этих свойств, на особенности натуры человека, на черты характера, на поведение, повадки, на способы мышления, рассуждения, на методы исследовательской рефлексии¹² и т. д.

¹⁰ Островский А. Н. Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 2. М., 1950. С. 218, 223.

¹¹ Ср. у Ф. М. Достоевского: «Общественное мнение у нас дрянное, кто в лес, кто по дрова, но его *кое-где* бояться, стало быть, оно своего рода сила, а стало быть, и годиться может» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 47).

¹² В этой связи представляется знаменательным обращение А. П. Скафтымова к теме Кутузова и Наполеона в статье «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого “Война и мир”» (Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С.182–217). Скафтымовская аргументация в этой статье, на мой взгляд, дает представление и о заветных взглядах ученого на характер и тон филологического диалога с соответствующим исследовательским (литературно-художественным) объектом. Толстовский Кутузов, по наблюдениям Скафтымова, противопоставлен легкомысленному или хитроумному, но всегда «произвольному и тщеславному прожектерству». В указанной статье — одновременно и скрытно, и внятно — обнаруживает себя самое существенное свойство Скафтымова — исследователя: не напористое и самоуверенно-наступательное внедрение в толщи и громады текстовых объектов, но искреннее и честное стремление к их осмотрительному, бережному и чуткому постижению, к осмыслению того, что Скафтымов, следуя за Л. Толстым, называл «скрытой ведущей целесообразностью» объекта: «Мудрый деятель», вникая в объектив-

Парадоксально-текучий и всякий раз абсолютно, с его точки зрения, истинный, согретый высшим нравственным чувством, подход к категории власти предлагал Л. Н. Толстой. С одной стороны, убежденно полагал он, «всякая власть чувствует, что она существует только благодаря невежеству народа, и потому инстинктивно и верно боится просвещения и ненавидит его. Есть, однако, условия, при которых власть волей-неволей должна делать уступки просвещению; тогда она делает вид, что покровительствует ему, берёт его в свои руки и извращает». Толстовские представления о власти будут, однако, существенно неполны без его же суждений, освещенных утопическими в своей основе, но оттого не теряющими обезоруживающей нравственно-психологической привлекательности заповедями непротivления: «В конце концов, — записывал он в своем дневнике от 4 февраля 1897 года, — всегда властвуют те, над которыми производится насилие, то есть те, которые исполняют закон непротivления. Так женщины ищут прав, а они властвуют именно потому, что они подчинены и были и ещё суть — силе. Учреждения во власти мужчин, а общественное мнение во власти женщин. И общественное мнение в миллион раз сильнее всяких законов и войск»¹³.

Настоящая, подлинная власть, по Толстому, не во внешних проявлениях силы, не в угнетении, а во внутреннем, духовно-нравственном одолении внешнего гнёта. Хотя то, что называется историей человечества, есть не что иное как история «насилий и борьбы с ними»: ведь «жизнь всех народов везде одна и та же. Более жестокие бесчеловечные, гулящие люди кормятся насилием, войною, более мягкие, кроткие, трудолюбивые — предпочитают терпеть»¹⁴.

Сокровенная мысль Л. Н. Толстого заключается в том, что любое проявление власти на этом свете только тогда может быть благодатно, когда согрето любовью к другим: «Большая ошибка думать, что все изобретения, увеличивающие власть людей над природой в земледелии, в добывании и химическом соединении веществ, и возможность большого воздействия людей друг на друга, как пути и средства сообщения, печать, телеграф, телефон, фонограф, есть благо. И власть над природой, и увеличение возможности воздействия людей друг на друга будут благом только тогда, когда деятельность людей будет руководима любовью, желанием блага другим, и будет злом, когда она будет руководима эгоизмом, желанием блага только себе»¹⁵.

Понятие «власть» (и производные от него «властный», «властвовать» и др.) всегда предполагает некую разнокачественную *направленность* (на кого-то, на что-то), неперемногого *носителя* этой направленности и обязательный (желанный, невольный и т. д.) *объект* влияния, приложения сил. Вот почему «власть» и «сила» («энергия», «мощь», «давление», «слабость», «дря-

ную логику вещей, «умеет отказаться «от своей личной воли, направленной на другое», то есть от воли, не соответствующей этой объективности».

¹³ Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. Т. 22. Дневники. М., 1985. С. 156, 64. Ср. также дневниковую запись Л. Н. Толстого от 3 июля 1906 года: «Какая ужасная привычка приказывать! Нет ничего более развращающего, нарушающего отношения естественного, доброго, разумного человека к человеку. Бедные и подвластные не знают этого греха; и это незнание с избытком искупает невыгоду их положения. Надо всем отвыкать приказывать» (Там же. С. 223).

¹⁴ Там же. С. 218.

¹⁵ Там же. С. 283.

лость» и т. п.), обычно выступают в одной семантической упряжке, характеризуя и того, кто распоряжается властью, и эффект её осуществления, сказывающийся прежде всего на тех, кто ей «подвластен».

Понятие «власть» содержит в себе указание на преодоление энтропии, хаоса; продукты властного воздействия – разного рода ограничения, запреты, табу, определения, своды предписаний, инструкции, иерархические, системные предустановления, табели о рангах и т. п. Более того, словосочетание «неограниченная власть» как раз и даёт отчетливое представление о крайне жёстких пределах, которыми эта самая власть регулирует жизнь своих подданных.

В отечественном ценностно-семантическом пространстве различаются по крайней мере **три обширных и взаимопроникающих смысловых спектра универсального** (всё равно – реального или иллюзорного по своим проявлениям и последствиям) **понятия «власть»**:

- это, **во-первых**, власть – в *нравственно-психологическом* смысле – как всё многообразие внутриличностных; межличностных, родственных, семейных, дружеских; приятельных, оппонентских, враждебных и др. связей и отношений (власть Бога, сохранение / потеря власти над собой, над своими чувствами, способность контролировать себя, держать себя в руках, держать язык за зубами; самоотвержение; власть предрассудков; родительская власть, власть семьи, коллектива; власть закона, морали; власть эгоизма, соблазнов, страстей, похоти, власть любви, власть памяти и т. д.);
- **во-вторых**, власть – в общественно-политическом, *социально-структурированном* смысле – как управление государством, как обозначение правящих политических, экономических, государственных институтов, их действующих лиц, историческая трансформация этих институтов и др.; власть как господствующая политическая форма управления страной: царская власть, советская власть, демократическая власть; власть духовная и светская; властная элита, бюрократия, плутократия, номенклатура; словосочетания типа «концентрация власти», «преемственность власти», «экстремизм власти», «стагнация власти», «кредит доверия к власти», «кризис власти», «падение власти» и т. п.;
- **в-третьих**, власть как сложнейшая нечетко-множественная *совокупность признаков и функций*, присущих самым разным жизненным (природным и социальным) явлениям и объектам; власть как наиболее существенные и постоянно реализуемые ключевые *свойства* разнонаправленных явлений, источников, средств коммуникации и т. п. (власть природы, власть свободы, власть слова¹⁶, власть денег, капитала, богатства, власть как собственность¹⁷; «власть над живым», «воля к знанию», «власть тьмы», власть запретов и др.).

¹⁶ У А. А. Ахматовой: «Но в мире нет власти грозней и страшней, // Чем вещее слово поэта».

¹⁷ «Частная собственность есть власть: непосредственно – над вещами, но опосредованно – и над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней» (Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 280).